

Санкт-Петербургский научный центр РАН
Объединенный научный совет по общественным и гуманитарным наукам
Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
Фонд поддержки и развития русско-немецких отношений
«Русско-немецкий центр встреч»
Международная ассоциация исследователей истории
и культуры российских немцев

СЕРИЯ Ad FONTES. МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАУКИ
ВЫПУСК 4

МИЛЛЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
К 285-летию
Архива Российской академии наук

Сборник научных статей по материалам
Международной научной конференции

23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург

Нестор-История
Санкт-Петербург
2013

УДК 930.1(091)
ББК 63.1
М60

*Утвержден к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского филиала Архива РАН*

Редакционная коллегия: А.Н. Анфертьева (СПФ АРАН),
д.и.н. Е.Ю. Басаргина (СПФ АРАН), У. Бишоф (Университет Галле-
Виттенберг, Галле), к.ф.н. С.Л. Гонобоблева (ИЛИ РАН; СПФ АРАН),
к.и.н. М.В. Мандрик (СПФ АРАН), д.и.н. И.В. Тункина (ответственный
редактор, СПФ АРАН), д.и.н. И. В. Черказьянова (Санкт-Петербург)

Рецензенты: к.и.н. И.Л. Тихонов (СПбГУ), к.хим.н. Н.Г. Герасимова
(Государственный Эрмитаж), к.и.н. Т.В. Костина (СПФ АРАН),
д.хим.н. П.А. Тихонов (СПФ АРАН, СПбГУ, Институт химии силикатов РАН)

М60 Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции 23-25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Нестор-история, 2013. — 440 с. (серия: Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 4).

ISBN 978-5-4469-0156-2

Сборник посвящен 285-летию юбилею первого научного архива России — Архива Российской академии наук — и включает материалы первых Миллеровских чтений (Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2013 г.). В числе авторов сборника ученые, преподаватели вузов, архивисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Брянска, Волгограда, Саратова, Сыктывкара, Энгельса (Россия), Гёттингена, Галле, Лейпцига (Германия), Риги (Латвия), Улан-Батора (Монголия), Кракова (Польша), Нежина, Одессы, Харькова (Украина). В сборнике представлены исследования по истории академического архива, реформ архивного дела, истории Академии наук и ее учреждений, международным научным связям XVII–XXI вв. Публикуются новые архивные данные к биографиям деятелей науки, обзоры фондов ученых, результаты исследований по консервации и реставрации документов, а также статьи по истории немецкой диаспоры в России и ее научном изучении в XVIII–XX вв.

Книга рассчитана на историков науки, архивистов, студентов соответствующих специальностей, а также на широкую читательскую аудиторию.

Исследования проведены при финансовой поддержке
грантов РФФИ № 12-06-00005а, РГНФ № 12-01-00008, № 12-01-00219,
№ 12-03-00290, № 12-21-01003

Проведение конференции и издание сборника материалов
по ее итогам осуществлено на средства гранта
Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-01-14007

ISBN 978-5-4469-0156-2

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, 2013
© Коллектив авторов, 2013
© Издательство «Нестор-История»,
редакционно-издательская подготовка, 2013

АКАДЕМИЧЕСКИЙ АРХИВ В XVIII–XXI вв.: ЭТАПЫ ИСТОРИИ, ПОРТРЕТЫ АРХИВИСТОВ

И.В. Тункина
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

ХРАНИТЕЛИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (К ЮБИЛЕЮ АРХИВА РАН)¹

Ключевые слова: Академия наук, Архив, история, сотрудники

“Академический архив принадлежит к числу замечательнейших архивов империи, представляя редкое, по своей полноте, собрание рукописей, служащих важнейшими и во многих случаях единственными источниками для истории просвещения в России...”

Академик М.И. Сухомлинов
[1, т. 1, с. I–II].

История академического архива — часть почти 300-летней истории Академии наук. Кратко осветить ее в одной юбилейной статье практически невозможно. В канун 300-летия Архива РАН все больше и больше ощущается отсутствие его полноценной истории, которая опирается не только на опубликованную литературу, но прежде всего на архивные первоисточники. Досадный пробел в изучении лакун истории собственного архива пытаются устранить научные сотрудники Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, несколько лет назад приступившие к выявлению документов по этой теме². Историкам-архивистам стыдно быть «Иванами, не помнящими родства». Настоящая юбилейная статья представляет вниманию читателей лишь некоторые сведения о начальном, практически неизученном периоде истории архивов Конференции и Канцелярии, и беглый обзор последующей истории уже единого Архива РАН.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00005а, РГНФ, проект № 12-01-00008а.

² Перечни документов составлены А.Г. Абайдуловой, Е.А. Анненковой, А.Н. Анфертъевой, Е.Ю. Басаргиной, Е.Н. Груздевой, О.В. Иодко, Т.В. Костиной, Н.В. Крапошиной, Т.А. Погодиной, Н.С. Прохоренко, И.М. Щедровой.

Вопрос о точной дате создания академического архива до сих пор дискусионен. Издания 1920-х годов, в том числе вышедшие к 200-летию юбилею АН СССР, называют 1725 г. датой основания Архива Конференции [2, с. 4; 3, с. 11]. С 1922 г. он стал общеакадемическим и объединил три ранее самостоятельных архива: 1) научный (архив Конференции); 2) архив Отделения русского языка и словесности; 3) административно-технический (архив Правления), а также включал 4) основную и справочную библиотеки [3, с. 11], которые берут начало с 1800 г. от библиотеки Конференции (Общего собрания) Академии наук.

Неопубликованная коллективная монография Г.А. Князева, Б.В. Лёвшина, Л.Б. Модзалевского, при участии К.И. Шафрановского и И.М. Меньайлова, «Исторический очерк Архива Академии наук СССР, 1728–1962» (Л., 1965) относит его создание к 6 января 1728 г. Истории академических архивов XVIII–XIX вв. в ней посвящено 40 страниц с единственной (sic!) точной архивной ссылкой об определении к архиву студента Миллера. Рукопись в целом страдает явной неполнотой в освещении 200-летней дореволюционной истории архива, крайней заидеологизированностью в выборе и подаче информации о советском периоде его деятельности [4].

Ю.А. Виноградов соотносит создание архива с его первым упоминанием в контракте на немецком языке, заключенном лейб-медиком Л.Л. Блюментростом с ботаником И.Х. Буксбаумом 1/12 сентября 1724 г. Текст документа заключается фразой, что один из 2-х экземпляров контракта приказано «положить в архив» [1, т. 1, с. 53–54]. Этот факт, на его взгляд, является косвенным подтверждением, что академический архив существовал еще до открытия самой академии [5, с. 240–242]. От себя добавлю, что в документе речь идет о будущем Архиве Канцелярии АН, где хранились контракты с профессорами.

Показательно, что первый том “Материалов для истории Императорской Академии наук”, изданных по предложению президента графа Д.А. Толстого под редакцией академика М.И. Сухомлинова, начинается с документов 1716 г., хранящихся в академическом архиве в фонде Канцелярии АН. Это объясняется тем, что еще за 5 лет до подписания контракта с И.Х. Буксбаумом петровский “Генеральный регламент” (1720) предписывал необходимость хранения текущего делопроизводства в коллегиях и канцеляриях в течение трех лет с последующей передачей документов на постоянное хранение под расписку архивариусу своего ведомства [6].

Волею Петра I ведомством, отвечавшим за приглашение иностранных ученых на русскую службу, стала Аптекарская канцелярия (1707–1725), ранее Аптекарский приказ (1620–1672), Аптекарская палата (1672–1707), с 1725 г. — Медицинская канцелярия. В ее недрах, видимо с самого начала XVIII в., стал формироваться архив будущей академической Канцелярии. Скорее всего, в 1714 г. он уже существовал при императорских Кунсткамере и Библиотеке, которыми руководили лейб-медики Петра I шотландец Роберт Карлович Арескин (Эрскин, 1674–1719), возглавлявший Аптекарскую палату/канцелярию, затем русский немец Л.Л. Блюментрост (1692–1755). С 1714 г. правой рукой лейб-медика царя стал эльзасец Иоанн Даниил Шу-

махер (1690–1761) — личный библиотекарь Петра I и секретарь по иностранной переписке руководителя Аптекарской канцелярии, Библиотеки и Кунсткамеры Р.К. Арескина.

После смерти Р.К. Арескина в 1719 г. пост архиатера Аптекарской канцелярии был отделен от должности лейб-медика и руководителя императорских Кунсткамеры и Библиотеки. Руководителем Библиотеки и Кунсткамеры стал Л.Л. Блюментрост (1692–1755), который вскоре был назначен первым президентом Академии наук. Должность архиатера Аптекарской канцелярии, управлявшего всей медициной в Российской империи, была доверена его старшему брату Ивану Лаврентьевичу (Йоханну Деодату) Блюментросту (1676–1756). Последний курировал экспедиционные исследования И.Х. Буксбаума и Д.Г. Мессершмидта, причем отчеты путешественников даже в первые годы после основания Академии наук направлялись именно в Медицинскую канцелярию. Согласно Г.Ф. Миллеру, вскоре после приезда в Петербург в 1721 г. И.Х. Буксбаум был назначен ботаником «при академической (sic! — И.Т.) канцелярии» [7, с. 522], которая сознательно формировалась И.Д. Шумахером с 1714 г. как отдельный департамент в недрах Аптекарской канцелярии. Но если И.Х. Буксбаум, с 1721 г. возглавивший Аптекарский огород при Аптекарской канцелярии, сразу был принят на службу в созданную Петербургскую академию наук, то отправленный в Сибирь неуживчивый и непрактичный Д.Г. Мессершмидт этой чести так и не был удостоен.

Р.К. Арескин, Л.Л. Блюментрост, И.Л. Блюментрост, И.Д. Шумахер были ответственны за приглашение в Россию иностранных специалистов и приобретение книг, инструментов, раритетов и пр., от имени царя вели оживленную переписку с заграничными учеными и коллекционерами и стали организаторами создаваемой по замыслу Петра I Академии наук. Их переписка отложилась в фондах академического архива — первое систематическое хранение отпусков писем относится к 1710-м гг., причем отдельные дела переплетены еще в 1700-х гг. Так, в дела «ученой корреспонденции» подшиты входящие письма, начиная с 1705 г., исходящие — с 1713 г.; в бумагах фонда Р.К. Арескина начальная дата документов — 1702 г., а первой описи фонда Д.Г. Шумахера с документами по его деятельности в Академии наук — 1716 г. В разрядах (коллекциях) академического архива многие дела также содержат документы, предшествующие открытию Академии, в том числе собрание материалов Канцелярии и Комиссии АН «Academica».

Подтверждение более ранней даты создания академического архива, видимо, под именем академической канцелярии, нужно искать в бумагах Кабинета Петра I и документах высших государственных учреждений той эпохи, хранящихся в РГАДА, — в фондах Сената и его учреждений (ф. 248), Аптекарского приказа–Медицинской канцелярии (ф. 346), посылавших указы и «промемории» руководству Академии наук, а также в личном фонде одного из первых историков АН Г.Ф. Миллера (ф. 199).

Указом Петра I от 28 января 1724 г. в Петербурге была учреждена Академия наук и художеств (ремесел, или «рукоделий»). За свою почти

300-летнюю историю академия собрала богатейшие документальные материалы по истории отечественной и мировой науки и культуры, которые отложились в фондах первого научного архива России. С момента основания Академии наук ведение документации было разделено между секретарем Конференции и главой Канцелярии, что привело к образованию двух самостоятельных архивов — архива Конференции для хранения научной документации и архива Канцелярии для концентрации организационно-распорядительной документации. В Петровском проекте положения об учреждении Академии наук и художеств (1724), выполнявшем функцию его первого устава, прямо сказано, что помимо академиков, “особливой секретарь портебен, который все, что в Академии предлагается, в протокол вносит, в порядок приводит и... купно с библиотекарем корреспонденцию с учеными людьми держит”, а библиотекарь Библиотеки и Кунсткамеры, как “директор над ними”, совместно с секретарем АН, должен вести корреспонденцию, “и тако надлежит ему в подмогу одного определить. Такжеже может он перевотчиков библиотеки и натуральных вещей каморы употреблять” [8, с. 50, 52].

В контракте с И.Д. Шумахером, подписанном Л.Л. Блюментростом 1 января 1724 г., значилось, что он не только ведал Библиотекой и Кунсткамерой, но и в Медицинской канцелярии при «размножении» Академии «при оной секретарское дело правит» [1, т. 1, с. 14]. Уже 14 февраля 1724 г. Л.Л. Блюментрост доносил в Сенат: “Данилу Шумахеру при академии библиотечарское и секретарское дело отправлять, а по отсутствию моем, с членами академии корреспонденции иметь...” [1, т. 1, с. 30]. Поэтому в конце февраля 1724 г. И.Д. Шумахер был освобожден Сенатом от должности при Медицинской канцелярии, как принятый “секретарем и библиотекарем в Академии”, где “довольно дела есть” [1, т. 1, с. 31, 33].

Высшей научной и организационной структурой академии стала Конференция или «Ученое собрание»: дискуссии протоколировались, причем протоколы первоначально вели сами академики сначала на латинском, затем на немецком и французском языках. В протоколах XVIII в. Конференц-архив назвался Ученый архив, Профессорский архив, Академический архив, который фактически с 1725 г., а официально со времен регламента 1747 г. находился в ведении секретаря АН (с 1747 г. — конференц-секретарь, с 1803 г. — неперменный секретарь). Первым должностным академического секретаря в 1725–1728, 1734–1742 гг. занимал профессор математики, советник юстиции Христиан фон Гольдбах (1690–1764). Он подписал контракт о зачислении членом АН с обязанностями развивать математику и писать «историю академии» в качестве ее секретаря 4/15 сентября 1725 г. [1, т. 6, с. 13]. Согласно этому документу, как секретарь Конференции он “имеет надзирание над архивом [выделено мной. — И.Т.], сочиняет всякие до академической корреспонденции с чужестранными учеными людьми касающиеся письма на латинском, немецком и французском языке; он же сам издает математические и другие до наук касающиеся дела и письма, и кроме академических дел в другие комиссии употребляется”. В 1737 г. его годовое жалованье составляло 1000 руб. в год [1, т. 3, с. 564–565]. В отсут-

ствие президентов Л.Л. Блюментроста и И.А. Корфа Х. Гольдбах выполнял обязанности президента на заседаниях Конференции [12, т. 1, с. 54].

Именно Х. Гольдбах, наряду с И.Д. Шумахером, должен считаться одним из первых академических архивистов — первый отвечал за Конференц-архив, второй — за архив Канцелярии. Их помощники — «вице-секретарь», нотариус, актуариусы (регистраторы входящих и исходящих документов, которые назначались начальниками канцелярии), канцеляристы, копиисты, переводчики и пр. непосредственно занимались организацией документирования деятельности Академии наук и создавали академические архивы различных департаментов, «собраний», комиссий, палат, мастерских и других учреждений. Но в середине XX в., в годы борьбы с космополитизмом имя И.Д. Шумахера стало одиозно-нарицательным для обозначения немецкого засилья в Академии наук — как чиновника, административными методами боровшегося с ученой корпорацией и первым русским академиком М.В. Ломоносовым. Именно поэтому каноническая советская версия, восходящая к Г.А. Князеву, относит первое упоминание об Архиве Конференции к 1728 г., когда помощником секретаря АН для протоколирования заседаний Конференции указом императора Петра II был назначен «студент» академической гимназии Г.Ф. Миллер (рис. 1), с конца 1725 г. преподававший в старших классах латинский язык, историю и географию в качестве адъюнкта «элоквенции и гистории» [1, т. 1, с. 346]. По собственному признанию Г.Ф. Миллера он прослужил «вице-секретарем» Конференции вплоть до отъезда за границу 2 августа 1730 г., т. е. фактически исполнял функции академического протоколиста и архивариуса. 6 января (17 января нового стиля) 1728 г. с тех пор официально считается датой основания архива.

Во время отлучек Х. Гольдбаха и Д.Г. Шумахера в Москву, где находился двор Петра II, «президентским определением препоручено было мне при академии вице-секретарство, — вспоминал академик Г.Ф. Миллер. — Сию должность исполнял я по июль месяц 1730 г., до поездки моей в Англию» [9, с. 136]. В штатном расписании Академии наук той эпохи должности вице-секретаря не существовало, но этот использованный историком термин достаточно точно определяет выполнявшиеся им обязанности в академической административной иерархии, включая руководство архивами Конференции и Канцелярии — ведение протоколов и ученой корреспонденции [1, т. 1, с. 540–542, 602]. В 1730 г. на протяжении полугода Г.Ф. Миллер исполнял обязанности, «касающиеся до канцелярских дел», с правом подписи вместо И.Д. Шумахера, находившегося в Москве: «Сего декабря 27 дня [1729. — *И.Т.*], при отъезде своем в Москву академии наук библиотекарь, господин Шумахер, приказал, дабы при академии наук быть во исполнении касающихся до канцелярии дел, а именно: по присланным из разных коллегий и канцелярий промемориям, и журнальной записке, и прочее, кроме тех дел, которые до важности касаются, отправлять и подписывать господину Миллеру; а о важных делах писать в Москву, и по присланным из Москвы указам исполнение чинить без замедления» [1, т. 1, с. 595]. На «вице-секретарской» должности, занятой им без формального

указа Сената, Г.Ф. Миллер так или иначе был причастен к налаживанию системы документирования деятельности всех основных подразделений академии. Возможно, уже в то время ученый стал собирать собственный архив, делая копии с интересующих его документов, которые впоследствии послужили незаменимыми источниками для написания им истории Академии наук за 1725–1733 гг. [1, т. 6; 7]. Показательно, что его труд о первых годах деятельности академии открывается краткой характеристикой состава и содержания документов академических архивов [7, с. 481–482].

Фаворитизму и, как следствие, стремительной академической карьере Г.Ф. Миллера способствовала близость с Д.Г. Шумахером в связи с несостоявшимися планами молодого историка жениться на дочери патрона, которая с 1731 г. сменилась настороженностью и даже враждебностью их друг к другу, сохранявшаяся до конца жизни академического библиотекаря. Как доказала Ю.Х. Копелевич, в частных письмах он регулярно докладывал И.Д. Шумахеру в Москву «о демаршах профессоров» против руководства академии, о чем с нескрываемой брезгливостью писал и М.В. Ломоносов [10, с. 116]. 27 июля 1730 г. Г.Ф. Миллер стал экстраординарным профессором по представлению И.Д. Шумахера, подписанному Л.Л. Блюментростом, причем в обход мнения старших членов Академии наук, высказавшихся на Конференции против его назначения [1, т. 1, с. 650; 11, т. 1, с. 90]. Молодому историку было поручено издание газеты «Санкт-петербургские ведомости» («немецких курантов», печатавшихся с 1727 г.), составление первого русского научно-популярного журнала «Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» (с 1728 г.), выполнение обязанностей библиотекаря Библиотеки АН, наблюдение над типографией (правка переводов и корректур) для первого научного академического латиноязычного журнала «Commentarii...», руководство работой Книжной лавки, художников и граверов и т. п. [1, т. 1, с. 595, 600, 602; т. 6, с. 63; 7, с. 573]. Вскоре после назначения «вице-секретарем» и расширением круга административных обязанностей жалованье Г.Ф. Миллера с 66 руб. 66 коп. в год в августе 1728 г. было увеличено до 200 руб., а после занятия должности профессора — 400 руб. в год [1, т. 1, с. 173, 189, 273, 653], т. е. выросло в шесть раз!

Помощниками академического секретаря (конференц-секретаря) являлись архивариус, переводчик Конференции, писцы для русской иностранной переписки. Главной задачей секретаря стало ведение протоколов Конференции, подготовка «истории» АН (хроники научных исследований и ежегодных отчетов о работе, печатавшихся в академических трудах), отбор научных работ для публикации в изданиях академии и редактирование ежегодных календарей, совместно с библиотекарем ведение переписки по научным вопросам («ученой корреспонденции»), оформление дипломов русских и иностранных членов АН. Штат Конференц-архива выполнял запросы Канцелярии АН, оформлял выписки из протоколов по требованию академиков, изготавливал и подписывал у президента и секретаря дипломы, ведал раздачей академических изданий профессорам, вел книгообмен (пересылал академические труды в Россию и за границу, а также в подарок

русскому и иностранным дворам), занимался регистрацией поступлений документов и их копированием, сверкой с оригиналами, проверкой страниц, выдачей документов академикам под расписку.

По протоколам Академического собрания [12] можно проследить историю поступлений в Конференц-архив различных рукописей и целых коллекций, например, приобретение архива И. Кеплера, состав рукописей Г.Ф.В. Юнкера, И.П. Фалька, И.Г. Гмелина, С.Г. Гмелина, И.А. Гильденштедта и др., при этом списки поступлений иногда занесены в текст самих протоколов. Документы позволяют судить и о системе хранения и использования рукописей. Протоколы Конференции фиксируют назначение и отставки архивариусов и их помощников, командировки сотрудников и отсутствие по болезни, упоминают и вопросы улучшения инфраструктуры архива (переделка стеллажей, установка замков на шкафах, обновление полов и т. п.).

Согласно Г.Ф. Миллеру, со 2/13 ноября 1725 г. по конец 1727 г. Христиан Гольдбах сам вел протоколы Конференции, которые визировал кто-либо из академиков [7, с. 481]. Протокольные записи этого времени представляют собой обозначение тем докладов без каких-либо комментариев, но иногда с краткими сведениями о принятых на заседании решениях. Но самые первые протоколы заседаний — с начала сентября по октябрь 1725 г., а также за начало января 1726 г. — либо не сохранились, либо, что вероятнее, не были записаны секретарем, хотя по письмам первых академиков известно, что заседания Конференции состоялись. Несмотря на то, что все академическое делопроизводство велось по старому стилю, Х. Гольдбах обозначал даты протоколов и личной переписки по новому стилю [13, с. 83, прим. 13–14, с. 98, прим. 50]. С 12 января 1728 г. обязанность ведения протоколов Х. Гольдбах переложил на «студента» Г.Ф. Миллера, который сам позднее писал о значительных пробелах в протоколах вплоть до 11 сентября 1730 г., когда их стал вести профессор Г.В. Крафт [7, с. 481].

Уже в первые годы после основания АН на Конференции обсуждались вопросы документирования ее заседаний. Начиная с 11 сентября вплоть до 2 октября 1730 г. академиками обсуждался вопрос, необходимо ли вообще вести ее протоколы. Профессора пришли к выводу, что протоколы вести необходимо, ссылаясь на практику других академий. Г.З. Байер даже представил записку из 12 пунктов по этому вопросу [12, т. 1, с. 23–24]. Конференция решила, что порядок записи имен присутствующих академиков должен определяться длительностью службы в занимаемой должности. Протокол предписывалось прочитать в ближайшем заседании, а на следующем подписывать; выступающему с докладом следовало представлять краткий реферат для протокола, а с текстами докладов предварительно знакомить членов Конференции, причем мнения по каждому докладу заносить в протокол. Общее собрание 23 октября 1730 г. решило *запросить в Канцелярии* для образца протоколы, которые вели Г.Ф. Миллер и Х. Гольдбах [12, т. 1, с. 30]. Эта запись доказывает *факт хранения первых протоколов Конференции в архиве академической Канцелярии*.

После возвращения из Москвы в 1732 г. Х. Гольдбах к секретарским обязанностям так и не вернулся, поэтому Г.В. Крафт протоколировал засе-

дания Конференции вплоть до 7 января 1734 г., но они, согласно Г.Ф. Миллеру, остались без подписей присутствующих [7, с. 481]. Это, скорее всего, произошло из-за академических разногласий — «разлада дел» — в последние годы президентства Л.Л. Блюментроста и во время краткого президентства Г.К. Кейзерлинга. Еще 6 ноября 1730 г. Г.В. Крафт попросил профессоров «впредь» самим формулировать записи о своих докладах для протоколов Конференции [12, т. 1, с. 32], благодаря чему с начала 1730-х гг. протоколы стали вестись более подробно. В их текст вносилось не только основное содержание докладов и результаты обмена мнениями о них, но и поднимавшиеся на заседаниях научно-организационные и хозяйственные вопросы жизни Академии наук, например, поступления в Конференц-архив. В декабре 1733 г. президент Г.К. Кейзерлинг освободил Г.В. Крафта от секретарства в Конференции, а его обязанности передал секретарю Канцелярии Х. Медеру: «...господин профессор Крафт, который уже за несколько времени в неимении секретаря [технического протоколиста. — И.Т.] чин онаго в конференциях достохвально отправляя, то с сего времени имеет тамо вступить в сие отправление господин секретарь Медер, котораго Е.И.В. секретарем при академии наук всемилостивейше пожаловать изволила. Сей имеет все в конференции обретающиеся и к оной надлежащая письма принять, наипаче же по должности своей и присяге исправный и порядочный протокол вести; в прочем же следовать и исполнять по учрежденному проекту... Петра Великаго» [1, т. 2, с. 410].

В сентябре 1734 г. императрица Анна Иоанновна назначила «главным командиром» над Академией наук видного царедворца и дипломата, широко образованного человека, библиофила барона Иоанна Альбрехта Корфа (1697–1766) с жалованьем 3000 руб. в год. Новый президент, интересовавшийся историей прибалтийских провинций и естествознанием, вникал во все научные и административные дела и предпринял настойчивые попытки навести порядок в академическом делопроизводстве и архивном хранении, а также улучшить инфраструктуру архивов. Уже 11 ноября 1734 г. И.А. Корф провел реорганизацию управления АН и разделил руководство собственно академии (Конференции АН) от Канцелярии и других учреждений. Х. Гольдбах остался секретарем АН, И.Д. Шумахер — директором Канцелярии, а Х. Медер секретарем последней (*Academia scientiarum secretaries*) [12, т. 1, с. 118]. Таким образом, с ноября 1734 г. Конференц-архив, ранее фактически являвшийся частью архива Канцелярии, стал подразделением Конференции АН и с конца 1734 — начала 1735 гг. стал постоянно упоминаться в академических протоколах.

Первоначально И.А. Корф повелел вести протоколы Конференции секретарю Канцелярии Христофу Медеру [1, т. 2, с. 507–508; 7, с. 481]. Однако Х. Медер был перегружен делами по Канцелярии АН, поэтому при втором секретарстве Х. Гольдбаха (с 11 ноября 1734 г. по июль 1742 г.) И.А. Корф предложил передать ведение протоколов и документов Конференции специальному чиновнику-протоколисту — нотариусу Христофу Тидеману (ум. 7 июля 1742 г.), принятому на службу 10 января 1735 г. в помощь юстиц-советнику Х. Гольдбаху. К Тидеману определили

канцеляриста И.Х. Мессера и копииста В. Юберкампфа, которого сменил И.Х. Калау. Эти специальные чиновники при Конференции стали отвечать за порядок в Ученом архиве, что впоследствии было закреплено в регламенте и штате 1747 г.

Согласно контракту, заключенному с Х. Тидеманом, нотариус «содержит, под дирекциею юстицкаго советника господина Гольбаха, в конференциях протокол, имеет в своем хранении все до наук касающиеся письма и диссертации, сочиняет из них экстракты и копии пишет, а временем при учреждаемых от правительствующего сената комиссиях за секретаря употребляется» [1, т. 3, с. 570–571]. Конференц-архив стал регулярно пополняться не только протоколами заседаний Конференции, но и новыми сочинениями как здравствующих, так и скончавшихся ученых, материалами экспедиций (включая рукописные карты), прежде всего Второй Камчатской (1733–1743), документы которой сначала присылались на рассмотрение в Сенат, а затем рассматривались на заседаниях Конференции.

Как архивариус Конференции Х. Тидеман вел и переписывал набело протоколы с 17 декабря 1734 г. по 14 мая 1737 г., причем на немецком, а не на латинском языке, как это практиковалось до ноября 1734 г.; последующие протоколы остались в неподписанных академиками черновиках [12, т. 1, с. 128; 7, с. 481]. Х. Тидеман не только привел в порядок протоколы, но и ознакомился с имеющейся в архиве корреспонденцией [12, т. 1, с. 148]. Г.Ф. Миллер писал, что нотариус ввел учет новых поступлений и начал ежедневно фиксировать все документы, поступающие в архив. Одновременно с момента официального основания в 1739 г. Географического департамента Х. Тидеман стал вести его журналы и отвечал за хранение документов и карт.

Однако для наведения порядка в делопроизводстве и архивном хранении принятых мер оказалось мало. Судя по протоколам, с момента основания Академии наук профессора зачастую брали сочинения и письма для работы на дому и не возвращали их на место, без ведома секретаря АН передавали друг другу рукописные материалы, что приводило к утратам документов и рукописей. Нотариусу Х. Тидеману долго не удавалось разобраться, какие документы хранятся в архиве, а какие оказались у членов Конференции дома. 4 февраля 1735 г. Х. Тидеман поручил копиисту В. Юберкампфу «забрать Камчатские документы» у юриста И.С. Бекенштейна и доставить их или в Академический архив, или к проф. Г.З. Байеру, но выяснилось, что «Бекенштейн у себя больше их не имеет, а отдал их г-ну проф. Крафту» [12, т. 1, с. 148]. Два месяца спустя, 17 апреля 1735 г. «первый» профессор астрономии Ж.Н. Делиль также затребовал у нотариуса «камчатские документы» и «кропотливо просмотрел» их присутствии нотариуса-архивиста в поисках своего сочинения «Dissertation de longitude terrae Kamtschatka», но его не обнаружил. По требованию кого-то из академиков Х. Тидеман безуспешно искал в архиве сочинение проф. С.Г. Гмелина, но «невзирая на усилия», найти рукопись не смог [12, т. 1, с. 186].

24 января 1735 г. президент И.А. Корф вменил в обязанности Х. Тидемана принятие мер по обеспечению сохранности Архива Конференции:

«поскольку документы в архиве должны быть в безопасности, но, регулярно просматриваемые разными лицами, они путаются или даже разъединяются, для стеллажей должны быть незамедлительно изготовлены дверцы и замки; ... для документов, которые выдаются на руки, нужно сделать в столе нотариуса выдвижной ящик, чтобы бумаги не лежали на столе или не забирались надолго из архива, если что-то потребуется, из-за этого могут возникнуть утраты» [12, т. 1, с. 141].

31 января 1735 г. президент И.А. Корф и Общее собрание АН *впервые сформулировали правила хранения и использования рукописей в Архиве Конференции*: «Его Превосходительство соизволил... решить, что если кто-то из господ профессоров впредь затребует оригиналы или копии своих собственных сочинений, нотариус должен быть уполномочен, не спрашивая, те [бумаги] проверять, а также и выдавать с этим ограничением, чтобы туда не попали посторонние документы. [...] Господам профессорам будут возвращаться не оригиналы, а только копии их сочинений, а оригиналы, после того, как они будут представлены и зачитаны, останутся в Академическом архиве, и только их копии должны быть возвращены; кроме того, в Архив должно также доставлять или оригиналы сочинений из типографии, если они напечатаны, они могут быть и загрязнены, или по меньшей мере собственноручно подписанный автором отпечатанный экземпляр» [12, т. 1, с. 144–145]. Часть рукописей, зачитывавшихся на заседаниях Конференции, первоначально рассматривалась президентом или попадала на *временное хранение* в архив Канцелярии «*ради лучшей сохранности*», где их могли изучить профессора [12, т. 1, с. 424], а затем передавалась в Конференц-архив для постоянного хранения. Рукописи трудов ученых Конференц-архива нередко использовались для издания в трудах Академии наук, когда издательский портфель по той или иной причине оказывался пустым.

11 января 1736 г. президент И.А. Корф приказал «Архив содержать в порядке» и представить сведения о его нуждах («что для него желательно»), а приписанных к нему канцеляриста И.Х. Мессера и копииста В. Юберкампфа «держат под требуемым присмотром и по обстоятельствам настойчиво указывать им, что требуется сделать» [12, т. 1, с. 238]. По его приказу секретарь Канцелярии Христоф Медер 9 января 1736 г. объявил, что без ведома нотариуса академии ни канцелярист И.Х. Мессер, ни В. Юберкампф «не должны никому ничего выдавать, ни также что-либо еще делать» с документами архива [12, т. 1, с. 238]. Таким образом, без ведома «главного хранителя» — нотариуса Х. Тидемана — его подчиненные лишались доступа к документам Конференц-архива. При его отсутствии ключ от Архива «на случай, если что-то понадобится», хранился у академического секретаря Х. Гольдбаха [12, т. 1, с. 217].

Усилия академического руководства по упорядочению делопроизводства и архивного хранения не прошли даром. 29 ноября 1738 г. Конференция АН с удовлетворением отметила, что в архиве «сочинения» «разложены по порядку, по математическому и физическому классам», а «отсутствующие отмечены, чтобы можно было их взыскать с господ профессоров».

Принятому вместо В. Юберкампфа «копиисту Калау... было поручено напомнить об этом каждому из господ профессоров, чтобы они либо доверили документы ему, либо принесли с собой послезавтра», — записано в протоколе [12, т. 1, с. 521]. Таким образом, уже в то время были заведены и использовались заместители используемых дел. В 1740-х гг. И.Х. Калау иногда протоколировал заседания Конференции и по просьбе академиков делал выписки из нужных дел.

18 октября 1740 г. из Канцелярии в Конференц-архив было передано «Географическое описание Российской империи» проф. Х.Н. Винсейма со списком опечаток: «Все эти документы должны храниться для их дальнейшего использования; они находятся под литерой W. на стеллаже В» [12, т. 1, с. 635]. Эта запись в протоколе Конференции позволяет судить о принципах расстановки дел в архиве — рукописи и книги ученых хранились в алфавитном порядке фамилий авторов.

Стараниями Х. Тидемана начиная с 1741 г. относящиеся к протоколам Конференции «приложения и акты» («протокольные бумаги») стали переплетаться в ежегодные комплекты, как и «ученые сообщения и прочие письменные материалы», которые собирались в конволюты, причем каждое из сообщений обозначалось по порядку буквами латинского алфавита. В отдельных «портфелях» собирались отчеты экспедиций и переписка об их проведении [7, с. 482]. Как наиболее востребованные документы Конференц-архива они привлекали внимание не только ученой корпорации, но и властей. Так, 9 августа 1736 г. И.Д. Шумахер уведомил Х. Тидемана, что Сенат потребовал представить точную опись всех отчетов Второй Камчатской экспедиции, работа над составлением которой продолжалась до 14 августа [1, т. 1, с. 295, 296; 11, т. 2, с. 175].

О значении, которое президент И.А. Корф придавал Конференц-архиву, свидетельствует тот факт, что при выезде из Петербурга по делам он сдавал на хранение академическую печать именно в архив, а не в Канцелярию [12, т. 1, с. 323]. Позднее это правило нашло отражение в регламенте 1803 г., но касалось уже непременно секретаря, который в XIX в. распоряжался большой и малой академическими печатями [8, с. 90].

За шесть лет своего президентства И.А. Корф создал небольшие коллективы ученых по специальностям, объединенные собраниями и департаментами, деятельность которых также протоколировалась. По заключению замечательного историка науки Ю.Х. Копелевич, «последовательность... организационных усилий» И.А. Корфа «привела к многим сдвигам, благоприятно отразившимся на всей дальнейшей судьбе Академии наук» [13, с. 131], в том числе на развитии академических архивов. Благодаря пристальному вниманию президента сложилась целая система академических архивохранилищ, просуществовавшая вплоть до начала XIX и даже XX в. Анализируя деятельность его предшественников и последователей можно констатировать, что подобного внимания к делопроизводству, сохранности архивов, рукописных книг и карт не проявлял никто из президентов.

Как доказывают документы, изъятия материалов из Конференц-архива в тех или иных целях санкционировались либо Сенатом, либо ее прези-

дентами. Отвечая за создание благоприятного имиджа Академии наук во властных структурах и стараясь “не выносить сор из избы” 16 и 22 января 1739 г. И.А. Корф приказал “вычернить” записи о своем конфликте с Ж.Н. Делилем в связи с дискуссией о задачах Географического департамента из протоколов Конференции от 13,16, 20 октября 1738 г., а также бумаги о драке между Г.Ф.В. Юнкером и И. Вейтбрехтом на заседании Конференции [12, т. 1, с. 529, 530, 605, 606; 11, т. 1, с. 225, 240].

Позднее изъятия проводили из дел Второй Камчатской экспедиции, засекреченных по решению Сената весной 1746 г. Реестр документов экспедиции (рапортов, донесений, описаний, рисунков), затребованный в Кабинет ЕИВ и Правительствующий Сенат, занимает несколько страниц, но далеко не все документы были переданы в АН — их часть, как писали И.Г. Гмелин и Г.Ф. Миллер, еще “при них находилась”. Многие рукописи впоследствии так и не попали в архив и впоследствии были вывезены Г.Ф. Миллером в Москву: “При профессоре Миллере находятся разные рукописные книги, которые по окончании всех описаний такожде отдать надлежит в архиву академии наук, для охранения впредь для справки. А не окончив все описания, оные отдать не можно потому, что описания из них сочиняются и ежедневно их при тех описаниях употреблять надлежит”. Среди них упомянуты деловая переписка по экспедиции и рапорты (1733–1743) в 15 книгах, “списки с старинных и новых до истории и географии Сибири касающихся канцелярских дел и прочих знающих мест” в 42 книгах, “летописцы сибирские и казанские, в прежних временах от разных сочиненные, в 4-х книгах” и т. д. [1, т. 8, с. 78–80, 194–212].

Академический переводчик Иван Голубцов 20 августа 1747 г. донес Канцелярии, что работая в Конференц-архиве над описью “сибирской архивы списках”, обнаружил, что в исторических и географических известиях “писаны некоторые дела под титулом принца Иоанна, к тому же приобщены Сибирской губернии городов и острогов снятые на сургуче печати под тем же титулом”. Речь идет о документах с упоминанием Иоанна Антоновича, недолгое правление которого продолжалось с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. После свержения императора-младенца Елизавета Петровна издала ряд указов, чтобы предать его царствование забвению: о сдаче населением монет с его изображением, уничтожении его портретов, о замене деловых бумаг, паспортов и прочих документов с именем императора на новые. Канцелярия постановила все “с титулом принца дела, с печатями”, согласно указам императрицы, скопировать “без титулов упомянутого принца” и оставить в Конференц-архиве, а подлинники отправить с описью в Канцелярию для внесения в Правительствующий Сенат, о чем сообщить Х.Н. фон Винсгейму и Г.Ф. Миллеру [1, т. 8, с. 534].

После смерти Х. Тидемана Конференц-архив перешел в ведение конференц-секретаря в 1742–1746, 1749–1751 гг. Х.Н. фон Винсгейма (1694–1751), одновременно «надзиравшего» за Географическим департаментом.

Х.Н. фон Винсгейм сам вел протоколы, причем начиная с 9 июля 1742 г. вновь по-латыни, и старался подписывать их у присутствующих

академиков [11, с. 481]. 10 июля 1742 г. Конференция постановила оформлять и подписывать протоколы на следующем заседании [20, т. 1, с. 281].

В связи с «делом Шумахера» 15 октября 1742 г. Х.Н. Винстейм получил «самовластный» приказ временного правителя академической Канцелярии советника А.К. Нартова, отданный без указа Сената, опечатать «в Конференции архивы, в которой здешней и чужестранной академии членов сочиненныя изобретения и письменная о науках корреспонденция, также де и шкафов где ландкарты и протчия к географическому департаменту известии хранятся» [1, т. 7, с. 232]. Конференц-архив и архив Географического департамента опечатали под предлогом того, что в них «находится переписка с иностранными государствами и о камчатской экспедиции дела и обсервации». Одновременно были опечатаны также Кунсткамера, Библиотека, Книжная лавка и другие департаменты [1, т. 5, с. 376–379; 12, т. 1, с. 719–721; 11, т. 1, с. 286, 287]. М.В. Ломоносов считал доказанным утверждение А.К. Нартова, что «Шумахер сообщил тайно в чужие государства карту мореплавания и новоприобретенных мест Чириковым и Берингом, которая тогда содержалась в секрете. А оную карту вынял тогдашний унтер-библиотекарь Тауберт из Остермановых пожитков, будучи при разборе его писем, который ее имел у себя как главный командир над флотом» [10, с. 278]. Дело в том, что указом Сената от 15 февраля 1742 г. И.К. Тауберт был «приставлен» к статскому советнику Ф. Эмме в комиссию по разбору писем генерал-адмирала А.И. Остермана, «при котором разборе находился... до окончания оной комиссии» [1, т. 7, с. 1023].

Из донесения членов Следственной комиссии адмирал Н.Ф. Головина, князя Б.Г. Юсупова и обер-комендант Петербурга С.Л. Игнатьева от 12 марта 1743 г. становится ясно, что главным инициатором временного закрытия архивов стал академик Ж.Н. Делиль, жаловавшийся на И.Д. Шумахера в Сенат. Ж.Н. Делиль вместе с А.К. Нартовым с началом следствия «при конференции архиву ученых писем и шкафы географического департамента запечатали собою, без всякой причины, и оттого в произведении наук остановку, а профессорам крайнюю обиду учинили»; «онный Делиль как-ни-на-есть имел пронырство, дабы сию, толь в свете славную академию привести в безславление и поношение, что и учинили: ибо чрез четыре месяца от его, Делилева, плутовскаго советнику Нартову представления объявленная архива и шкафы географическаго департамента были запечатаны, и оттого профессора принуждены были праздно жить. Да и напоследок, когда уже комиссии члены принуждены стали сами идти и оные распечатать..., Делиль представлял, чтоб не распечатывать, якобы имеются во оных дела подлежащая до канцелярии, а не до конференции; но как увидел, что в то же время приказано караульному офицеру, чтоб он своею печатью запечатал и чтоб Делиль с профессорами, не утруждая комиссию, потребное ему отыскал, и по отыскании, оставить то архиву и шкафы географическаго департамента профессорам незапечатанные, то и требование свое оставил. А о советнике Нартове предать в высочайшее Ея ИВ соизволение, а притом представить, что он академии наук править не может, понеже наук не знает» [1, т. 5, с. 592–593].

Временная недоступность материалов архива немедленно отразилась на работе всей академии, поэтому членам Конференции было предложено ответить на вопрос, «какие из обязанностей академического архива мешают академикам работать». К концу февраля 1743 г. Конференц-архив функционировал в обычном режиме [11, т. 1, с. 288], а возвращенные из Сената и Синода и из следственной комиссии по делу Академии наук «указы и академические протоколы, також и со вступления советника Нартова дела», 20 сентября 1743 г. А.К. Нартов повелел «переплесть с реэстрами» [1, т. 5, с. 871]. Но открытие архивов его не спасло: 5 декабря 1743 г. указом императрицы А.К. Нартов был отстранен от руководства Канцелярией, а И.Д. Шумахер возвращен на прежнюю должность [11, т. 1, с. 295].

Конференц-секретарь в 1746–1749 гг., профессор юриспруденции Ф.Г. Штрубе де Пирмон (Пирмонт; 1704–1775), помимо Архива Конференции, с 1748 г. заведовал архивами Исторического и Географического департаментов, причем без повышения жалованья.

Академические архивы в XVIII в. пережили как минимум три пожара: в 1729 г. большая часть первоначального архива академической Канцелярии сгорела при пожаре в доме президента Л.Л. Блюментроста [1, т. 7, с. 745]; в 1741 и 1747 г. Конференц-архив и архив Канцелярии пострадали при пожарах Кунсткамеры — первый, возникший по «недосмотру истопника», был ночью быстро потушен, но второй, случившийся в ночь на 5–6 декабря 1747 г., оказался катастрофическим [1, т. 8, с. 619–621, 631–635]. Спасенные дела и рукописные книги были выброшены на снег и невский лед из окон Кунсткамеры. Профессор Х.Н. Винсгейм доносил президенту К.Г. Разумовскому 6 декабря 1747 г. о состоянии Конференц-архива: «А что до архива принадлежит, то по большей части господин профессор Миллер дела к себе в санях на дом повез, а по части и я некоторых у себя имею. И в географическом департаменте многие дела и почти все сохранено, так что надеяться можно, как архивные, так и географические дела все опять найти и в порядок привести можно будет» [1, т. 8, с. 621]. Наибольший ущерб был нанесен Архиву Канцелярии: по словам М.В. Ломоносова, «старая Канцелярия с оставшимися в ней архивными делами» частично погибла в огне, как и определенная часть рукописных книг Библиотеки АН, «однако повреждение двору и публике показано весьма малое...» [10, с. 282]. «В библиотеке печатные и рукописные книги... все вынесены, разве что при бросании оных из окон или на льду утратилось, и потому то, что сгорело, в рассуждении того, что вынесено и спасено, за весьма малое и неважное почитать должно», — доносили президенту К.Г. Разумовскому И.Д. Шумахер и И.К. Тауберт [1, т. 8, с. 619]. Руководители Канцелярии приняли меры для просушки подмокших документов: «Во время приключившегося при академии пожара вынесенные из всех департаментов книги, кунсткамерские вещи, травы и письма, в связках и не в связках, от скорого бросания к берегу все подмокли, и ныне оные просушивать надлежит», — докладывал И.К. Тауберт в Канцелярию 11 декабря 1747 г. [1, т. 8, с. 641]. К сожалению, были утрачены некоторые «сибирские и камчатские рисунки», отданные для копирования в Рисовальную палату: ботанические рисунки хранились

в “большом ящике” и сгорели полностью, но “рисунки, которые мною последние из Сибири привезены, все в целости”, — сообщил И.Э. Гриммелю живописец И.Х. Беркхан, участвовавший во Второй Камчатской экспедиции [1, т. 8, с. 624–625]. Художник Алексей Греков рапортом в Канцелярию от 12 декабря 1747 г. сообщил, что во время пожара в Рисовальной палате у него сгорели “сибирских трав оригинальных листов пять, с оных оригиналов рисовано копий тридцать листов” [1, т. 8, с. 643].

Согласно Г.Ф. Миллеру, до 11 марта 1754 г. протоколы Конференции по очереди вели разные лица [7, с. 482]. Сам Г.Ф. Миллер занимал должность конференц-секретаря Академии наук на протяжении 11 лет. С 7 марта 1754 г. по 21 февраля 1765 г. он собственноручно вел протоколы заседаний Конференции, причем вплоть до 7 октября 1755 г. они подписывались всеми присутствовавшими, а впоследствии лишь секретарем заседания. С 1756 г. историк ввел практику выделения особо важных протоколов и подписывал их у всех присутствовавших, а также заносил их в особый журнал учета [7, с. 482]. Г.Ф. Миллер, видимо, рассматривал Конференц-архив как вспомогательное подразделение, необходимое для обеспечения его собственных научных работ. Именно при нем Конференц-архив пополнился комплектом газеты “Санкт-Петербургские ведомости”, которыми он пользовался для составления “Ежемесячных сочинений”. Газеты были переплетены и хранились в особом шкафу. Собранные им справочные печатные материалы включали опубликованные речи, читавшиеся на заседаниях Конференции АН, “прайс-листы” и другие академические издания, в том числе полный экземпляр “Записок Академии наук”. При его секретарстве в Конференц-архив поступили «различные рукописные материалы» скончавшегося в Москве в 1764 г. первого академического секретаря, тайного советника Х. фон Гольдбаха «с вычислениями, относящимися к [математическому] анализу» [7, с. 482].

Однако на самом деле в секретарство Г.Ф. Миллера установленный еще И.А. Корфом строгий порядок хранения и использования документов был нарушен. Сменивший Г.Ф. Миллера на посту конференц-секретаря в 1765–1769 гг. Я.Я. Штелин (1709–1785) при сдаче дел И.А. Эйлеру доложил Конференции, что после переезда академика-историка в Москву он обнаружил дела архива «в крайнем беспорядке, протоколы без подписей членов академии и совершенно *рассеянную корреспонденцию со многими пропусками* (выделено мной. — И.Т.), с того самого времени и до сих пор он принимал меры, чтобы привести это все в надлежащий порядок, составлены отсутствующие до этого регистратуры на все имеющиеся в Архиве бумаги, корреспонденция разложена в хронологическом порядке, и все протоколы, которые велись в бытность его секретарем, содержат подписи присутствующих членов Академии в достоверном порядке, так что Академия наук отныне может знать и обозревать полное содержание ее Архива и немедленно найти каждый имеющийся лист по изготовленному регистру» [12, т. 2, с. 669]. Г.Ф. Миллер отмечал, что при Я. Штелине был составлен указатель к “ученым сообщениям” Конференц-архива, существенно облегчавший поиск нужных документов [7, с. 482]. Принимавший

дела у Я. Штелина новый конференц-секретарь в 1769–1800 гг. И.А. Эйлер (1734–1800) нашел архив «в прекраснейшем порядке».

Гораздо раньше Конференц-архива возник архив академической Канцелярии (в 1766–1803 гг. — Комиссии), в который поступали организационно-распорядительные документы. Канцелярия стала одним из главных органов управления академией той эпохи, возглавив не только административно-хозяйственную, но и научно-организационную работу. В ее компетенцию входила переписка с императорским Двором, Сенатом и другими государственными учреждениями, набор персонала и заключение контрактов с академиками и пр. Канцелярия фактически осуществляла руководство академическими учреждениями — гимназией, университетом, Кунсткамерой, Библиотекой, Географическим и Историческим департаментами, Типографией, Книжной лавкой, академическими палатами и всеми экспедициями. Первым ее правителем (с 1734 г. директором) был И.Д. Шумахер, стоявший у истоков создания АН и фактически являвшийся «секретарем его величества по делам академии» [1, т. 2, с. 112].

При всех отрицательных сторонах деятельности И.Д. Шумахера, следует, тем не менее, отдать ему должное как администратору, ведавшему делопроизводством Академии наук. Он установил правила внутреннего и внешнего документооборота, организация которого в соответствии с петровским Генеральным регламентом не отличалась от других центральных ведомственных учреждений Российской империи. За годы своего 37-летнего руководства Канцелярией он сумел наладить строго обязательное и четкое ведомственное делопроизводство так, что большая часть научно-организационной и хозяйственной переписки Академии наук дошла до наших дней практически в полном виде и составила ценнейший в мире научный архив XVIII в. Основными документами, где фиксировались решения Канцелярии, стали журналы (протоколы) ее заседаний. С ростом числа учреждений и штата Академии наук делопроизводство стало вестись по повывьям (столам), откладывалось в архивах «решенных» и «нерешенных» дел, к которым приставлялись специальные канцеляристы. И.Д. Шумахер, вынужденный по долгу службы постоянно готовить отчеты и справки о деятельности АН, выполнять запросы двора, Сената и других коллегий, стремился к тому, чтобы не было утрат входящих писем, чтобы ни один ответ не выходил из различных департаментов Академии наук без черновика или отпуска. Большинство входящих и исходящих документов и Канцелярии, и Конференции, и всех учреждений АН так или иначе копировалось и оседало в соответствующих текущих архивах ее различных департаментов. Документы Канцелярии сразу переплетались по месяцам и годам и хранились в соответствии с составленными регистрами в Кунсткамере (рис. 2–3). Так, к 1737 г. был составлен «Реестр находящимся при разборе в Архиве в переплётё книгам нижеследующих годов, а напротив оных ежели повелено будет, следует ко исправлению и действию, что же и последовало после поданного в Академию реестра октября [7] дня», которые включают дела Канцелярии за 1725–1737 гг. [14, л. 1–9].

Заведующий Архивом Конференции Л.Б. Модзалевский, разбиравший академические архивы в начале XX в., констатировал сложность поиска документов из-за того, что «по причинам канцелярского делопроизводства XVIII века, при существовании нескольких органов ученой и исполнительной части Академии, многие вопросы совершали от начала своего возникновения до момента окончания длинный, часто мало для нас ясный путь перехода из одного делопроизводства в другое» [15, с. 597].

И.Д. Шумахер не мог обойтись без помощников — писцов и канцеляристов, штат которых ему удавалось увеличивать год от года. В 1745 г. директор доносил в Сенат: «...Надобны в Канцелярии секретарь, также актуариус, регистратор [...] И как скоро канцелярский архив описан и в порядок приведён будет, то одного или двух канцеляристов за излишеством надо будет отрешить, а вместо того двух или трёх добрых копиистов надобно принять, не только для письма в Канцелярии, но для переписывания книг и прочего, до наук касающегося» [16, л. 3 об., 4]. В 1745–1747 г. актуариус Ф.Г. Паули (1706–?) разбирал в архиве Канцелярии «все... немецкие дела... для приведения их в порядок» [16, л. 33 об., 34]. Архивариус (с 1759 г.) и помощник библиотекаря Библиотеки А.И. Богданов (1693–1765) к 1757 г. привел в порядок все письма и рукописи Канцелярии. Во второй половине XVIII в. среди архивариусов, канцеляристов и протоколистов Канцелярии-Комиссии АН, ведавших ее архивом, значатся Александр Посников, Дмитрий Тимофеев, Яков Волков, В. Басов, И.Н. Кирилов (ум. 1799), коллежский протоколист и актуариус Готфрид Альбом (Албом), «исправлявший при Канцелярии немецкие дела», и т. п. И.Н. Кириллов в 1798 г. сдал дела архивариусу П. Буданову, который в свою очередь в 1803 г. передал архив архивариусу Комитета правления А. Агафонову. Архив Канцелярии-Комиссии АН со временем вобрал в себя самостоятельные архивы всех академических учреждений — Исторического, Географического департаментов, а также всех экспедиций, палат, мастерских, кабинетов, Библиотеки и Кунсткамеры, Типографии и пр.

Очевидно, что «порядок» в Конференц-архиве и других академических архивах зависел прежде всего от архивариусов. Архивариусами Конференц-архива являлись: в 1750–1769 гг. — переводчик И.Л. Стаффенгаген (1728–1784), в 1769–1788 гг. — писарь И.Ю. Унгебауэр (1726–1788), одновременно служивший в Книжной лавке (1767–1769), в 1788–1826 гг. — актуариус Г.В. Корц (1739–1826), в 1827–1855 гг. — хранитель Нумизматического музея АН и хранитель I Отделения Эрмитажа Ф.Л. Шардиус (1795–1855), в 1855–1858 гг. — Л.Ф. Радлов (1816–1865), в 1858–1871 гг. — переводчик К.Ф. Свенске (1797–1871), в 1871–1888 гг. — художник, библиограф, заведующий книжным складом В.П. Шемиот (1832–1903) и занимавший ту же должность в 1888–1907 гг. беллетрист и детский писатель Н.И. Позняков (1856–1910). Согласно штату АН, введенному в действие с 1 января 1894 г., должность «архивариуса и заведующего книжным складом» была отнесена к структуре Канцелярии Конференции АН. Архивариусам помогали канцеляристы, протоколисты, писцы и прочие лица, состоящие «у письменных дел»: «Архивариус следит за Архивом; канцелярист пи-

шет протоколы и делает экстракты из них; копиист переписывает письма. Один из них обязательно должен уметь писать по-русски», — записано в протоколе Конференции 15 ноября 1770 г. [12, т. 2, с. 786–787]. Выделявшихся на жалование мелким служащим бюджетных средств АН на жизнь в столице не хватало, поэтому практически все академические чиновники вынуждены были подрабатывать на других должностях — корректоров в типографии, переводчиков, учителей иностранных языков в академической гимназии, заведующих книжной лавкой и пр., получая надбавки из внебюджетных (экономических) средств АН. Такое «совместительство» практиковалось вплоть до 1930-х гг.

Регламент Императорской Академии наук 1803 г. закрепил круг обязанностей архивариуса, установил его выборность академическим собранием и определил его принадлежность к девятому классу Табели о рангах (устав Императорской Санкт-Петербургской Академии наук 1836 г. изменил порядок назначения архивариуса: он утверждался академическим собранием по избранию неперменного секретаря). В 1803 г. был образован Комитет правления Академии наук, ведавший административно-хозяйственными вопросами академической жизни. Его делопроизводственные материалы образовали особый архив Комитета правления (1803–1893)–Правления (1894–1927)–Управления делами (1927–1934)–Административно-хозяйственного управления (с 1934) (ныне Управление делами), который, как и архив академической Канцелярии, существовал отдельно от Конференц-архива. В 1804 г. была организована отдельная Канцелярия Конференции Академии наук. Лишь во второй половине XIX в. архив академической Канцелярии вошел в состав Конференц-архива, куда в 1912 г. поступил также архив Комитета правления (по штату 1893 г. Комитет правления имел «журналиста и архивариуса», в штате 1912 г. он значится как «журналист (он же архивариус)»).

После ликвидации Российской академии и присоединения ее к Академии наук в 1841 г. в виде II Отделения — русского языка и словесности (ОРЯС) — его архив также оказался в ведении неперменного секретаря. Чиновником для переписки бумаг ОРЯС, одновременно архивариусом и журналистом Правления АН, делопроизводителем Комиссии по устройству Зоологического музея в конце XIX в. был И.С. Иванайнен. С 1892 г. по 1926 гг. делопроизводителем ОРЯС, ведавшим канцелярией этого отделения, являлся палеограф, источниковед, филолог-русист, писмоводитель Павел Константинович Симоны (1859–1939), избранный членом-корреспондентом РАН в 1921 г. По уставу 1927 г. ОРЯС как самостоятельное отделение АН СССР было ликвидировано.

В начале XX в. значительную роль в истории архива сыграл неперменный секретарь АН (1904–1929) академик С.Ф. Ольденбург, обративший внимание административного руководства Академии на бедственное положение ее научного архива. «Архив Академии — старейшее ученое учреждение империи..., одно из ценнейших хранилищ материалов по истории просвещения в России в XVIII и XIX веках», страдало из-за недостатка помещений. Документы много раз переносились с места на место,

что привело к утратам части исторических богатств академии и не могло не сказаться на целостности материалов архива. «Остается пожалеть о том, — писал Ольденбург в отчете Академии за 1908 г., — что архив не имеет ни подходящего помещения, ни бюджета, столь необходимого для упорядоченного хранения документов». Это заключение, к сожалению, справедливо и сто лет спустя...

Для решения вопроса о «благоустройстве» и совершенствовании работы своего ценнейшего архива в конце 1904 г. Общее собрание АН образовало особую комиссию под председательством вице-президента академика П.В. Никитина, в которую вошли непреходящий секретарь С.Ф. Ольденбург, академики К.Г. Залеман, А.А. Шахматов, А.С. Лаппо-Данилевский. Комиссия возобновила постановление Общего собрания 1857 г., принятого по инициативе академика А.А. Куника, хранить в библиотеке архива все издания Академии наук с первых лет ее существования, ежегодно пополняя обязательный архивный экземпляр вновь выходящими изданиями с целью их вечного хранения. Эта практика просуществовала вплоть до начала 1960-х г. — коллекция печатных изданий Академии наук ныне составляет особый разряд.

В 1906 г. значительная и наиболее ценная часть архива была размещена в кабинете непреходящего секретаря, между Малым и Большим конференц-залами главного здания АН в специальных шкафах из темного дуба, другая часть — в мансардных помещениях 3-го этажа над Малым конференц-залом. Однако сохранности документов постоянно угрожала пожароопасность из-за печного отопления, теснота и разбросанность архива по разным помещениям.

В 1912 г. новым штатом Академии наук была предусмотрена особая должность заведующего архивом Конференции и предусмотрено выделение ежегодных ассигнований на переплетные работы и другие нужды архива. Должность первого заведующего занял Борис Львович Модзалевский (1874–1928), архивист и знаток пушкинской эпохи, младший письмоводитель Канцелярии, с 1907 г. исполнявший должность архивариуса, затем архивариус в 1908–1912 г. и заведующий в 1912–1921 гг. Архива Конференции АН. С середины 1900-х Б.Л. Модзалевский — один из инициаторов создания и организатор, старший ученый хранитель (1919–1928), исполняющий обязанности директора (1922–1924) Пушкинского дома, избранный членом-корреспондентом по ОРЯС (1918). Официальным помощником заведующего архивом в 1914–1918 гг. был поэт, критик и литературовед Владимир Николаевич Ивойлов (псевдоним Княжнин Вл.; 1883–1942). Б.Л. Модзалевского на посту заведующего архивом Конференции с октября 1921 г. по апрель 1925 г. заменил Владимир Петрович Семенников (1885–1936), специалист по истории русской литературы и общественного движения XVIII в.

Архив Конференции в 1922 г. был переименован в Архив Академии наук и стал самостоятельным общеакадемическим научным учреждением. Он объединил архивы научный (Конференции), Отделения русского языка и словесности, административно-технический (Комитета Правления). 17 февраля 1925 г. Совнарком присвоил Архиву АН статус научно-

го учреждения. В 1926 г. Президиум АН принял решение о концентрации рукописей членов Академии наук в ее архиве. В 1927 г. благодаря стараниям президента АН академика А.П. Карпинского и хлопотам заведующего Архивом АН (с 13 мая 1925 г.) Алексея Сергеевича Путилова (Яновича; 1876–1931), он, наконец получил отдельное здание и занял скромный двухэтажный флигель во дворе Зоологического института (бывшее здание архива Горного департамента), но это лишь на время сняло проблему отсутствия дополнительных площадей для размещения документов. Жизнь юриста и архивиста, работавшего ранее заведующим отделом Главархива и Музея Революции А.С. Путилова оборвалась трагически — в ходе «академического дела» 30 августа 1929 г. он был снят с должности, арестован 15 февраля 1930 г., приговорен к высшей мере наказания 10 мая и расстрелян 17 мая 1931 г. Его место с 1 октября 1929 г. занял ставленник Центрархива Георгий Алексеевич Князев (1887–1969), с 1916 г. руководивший историческим отделом Морского архива. Как директор Архива АН СССР с 1936 до 1963 г. Г.А. Князев с успехом провел реформу архивного дела в АН СССР: в ноябре 1930 г. Общее собрание утвердило «Положение об Архиве Академии наук», присвоив ему статус центрального архива ведомства. Выявление, комплектование, учет, научное описание и публикация архивных материалов членов Академии наук становятся важнейшими задачами в деятельности Архива АН СССР. Именно Г.А. Князевым в 1933 г. была основана серия «Труды Архива АН СССР», в 1937 г. создан Ученый совет, членами которого в разное время являлись акад. Д.С. Рождественский, И.Ю. Крачковский, В.И. Смирнов, Д.Б. Греков, А.С. Орлов, Л.А. Орбели, С.И. Вавилов, А.Н. Крылов, С.А. Жебелёв, В.В. Струве, Б.Б. Пиотровский. С 1938 г. при Архиве была создана Комиссия по истории Академии наук во главе с акад. С.И. Вавиловым, которой руководил работой над трехтомной «Историей АН СССР», инициировал издание «Ломоносовских сборников» и полного собрания сочинений основоположника русской науки. Практически ежемесячно приезжая в Ленинград в качестве президента АН СССР (1945–1951), С.И. Вавилов обязательно находил время для посещения архива, был в курсе всех дел, способствовал получению дополнительных площадей для размещения документов и передаче в архив фондов учреждений и личных фондов ученых.

В связи переводом Академии наук в Москву в 1936 г. было создано Московское отделение Архива АН СССР. Его в качестве заведующего с 1936 по 1956 гг. возглавлял Филипп Дмитриевич Гетман (1897–1992?). Исполнявшим обязанности заведующего Московским отделением с 1956 по 1963 г., а затем директором Архива АН СССР–РАН с 1963 по 2003 г. был Борис Венедиктович Лёвшин (1926–2012), возглавлявший московский Архив Академии наук на протяжении 40 лет. С именами Г.А. Князева и Б.В. Лёвшина, много сил отдавших разработке проблем документоведения, связано развитие архивного дела в учреждениях Академии наук СССР не только Москвы и Ленинграда, но и всей страны. С переходом Б.В. Лёвшина на должность советника РАН с 2003 г. Архив возглавил Виталий Юрьевич Афиани (р. 1946 г.), выпускник МГИАИ, ученик С.О Шмидта,

заведующий кафедрой археографии Историко-архивного института РГГУ (с 2007 г.), специалист в области архивоведения и археографии, известный как публикатор документов по отечественной истории второй половины XX столетия.

Архив АН СССР в Ленинграде в 1963 г. был преобразован в Ленинградское отделение, которое возглавляли с 1963 по 1969 гг. Петр Николаевич Корявов (1905–не ранее 1972), с 1951 г. являвшийся заместителем директора Архива АН СССР, в 1969–1970 гг. — Дмитрий Евгеньевич Бертельс (1917–2002), в 1971–1977 гг. — Александра Андреевна Богданова (р. 1921), с 1977 по 1985 гг. — Валентина Ивановна Александрова (1926–2000), с 1985 по 1986 г. и.о. заведующей являлась главный хранитель Нина Сергеевна Карейша (р. 1935). В 1991 г. Ленинградское отделение Архива АН СССР было преобразовано в Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. В 1987 г. к ЛО Архива АН СССР была присоединена общеакадемическая Лаборатория консервации и реставрации документов. ЛКРД была создана в 1934 г. в составе Отделения общественных наук на основании постановления Президиума АН СССР от 22 мая 1934 г. Инициатором ее создания и первым директором был Н. П. Тихонов (1882–1942) — известный специалист в области археологической и фотографической технологии, который прекрасно понимал необходимость создания учреждения, способного в комплексе решать сложные проблемы сохранности документов. В 1956 г. ЛКРД была передана из ведения Библиотечной комиссии при Президиуме Академии наук СССР в Отделение истории. В 1957 г. ее возглавил В.С. Люблинский — историк, специалист по истории книги и методам ее изучения. С 1970 г. исполнявшим обязанности директора, а с 1976 г. директором ЛКРД являлся фотореставратор мирового уровня Дмитрий Павлович Эрастов (1928–2010), в качестве заведующего возглавлявшего лабораторию СПФ АРАН до 2003 г.

Трудные годы выживания в годы «перестройки», развала СССР и рождения новой Российской государственности выпали на долю заведующего (1986–1991), затем директора (1991–2001) Санкт-Петербургского филиала Архива РАН Владимира Семеновича Соболева (р. 1948), выпускника МГИАИ, вскоре возглавившего многомиллионный федеральный архив — РГАВМФ (2001–2008). Несколько месяцев 2001 г. исполняющей обязанности директора филиала являлась опытный архивист Антонина Николаевна Анфертьева (1950–2013), а с 2001 г. его возглавляет Ирина Владимировна Тункина (р. 1960), за 35 лет работы (с 1978 г.) прошедшая в архиве путь от лаборанта до директора, от студентки вечернего отделения ЛГУ до доктора исторических наук.

XIX и XX века истории академического архива связаны с именами многих замечательных ученых, занимавшихся выявлением и изданием документов по истории Академии наук — академиков А.А. Куника, П.С. Биллярского, П.П. Пекарского, М.И. Сухомлинова, К.С. Веселовского, а также Б.Л. и Л.Б. Модзалевских, Г.П. Блока, В.Ф. Гнучевой, А.И. Андреева, М.В. Крутиковой, И.И. Любименко, Е.С. Кулябко, Н.Я. Московченко, Ю.А. Виноградова, В.С. Соболева, В.И. Осипова, М.Ш. Файнштейна,

Н.П. Копаневой и многих других архивистов — настоящих хранителей исторической памяти Академии наук. Благодаря их истинному служению документальные богатства Академии наук за три века ее истории бережно сохраняются в академическом архиве.

Источники и литература

1. Материалы для истории Императорской академии наук / Сост. и ред. М.И. Сухомлинов: В 10 т. СПб., 1885. Т. 1 (1716–1730). 1885; Т. 2 (1731–1735). 1886; Т. 3 (1736–1738). 1886; Т. 4 (1739–1741). 1887; Т. 5 (1742–1743). 1889; Т. 6 (1725–1743). 1890; Т. 7 (1744–1745). 1895; Т. 8 (1746–1747). 1895; Т. 9 (1748–1749 (январь-май)). 1897; Т. 10 (1749 (июнь-декабрь)–1750). 1900.
2. Наука в России. Справочный ежегодник. Пг., 1920. Вып. 1: Петроград. Данные к 1 января 1918 / Под наблюдением акад. С.Ф. Ольденбурга.
3. Академия наук Союза Советских Социалистических Республик: Ее задачи, разделение и состав. Л., 1925 (Комиссия «Наука и научные работники СССР»).
4. *Тункина И.В.* Неопубликованный «Исторический очерк Архива Академии наук СССР, 1728–1962» (Л., 1965) под редакцией Г.А. Князева // Академический архив в прошлом и настоящем: Сборник научных статей к 280-летию Архива Российской академии наук / Санкт-Петербургский филиал Архива РАН; Отв. ред. И.В. Тункина. СПб., 2008. С. 105–127.
5. *Виноградов Ю.А.* Когда возник архив Академии наук? // Архив Академии наук — достояние национальной и мировой науки и культуры. Мат-лы международной научной конференции. Москва, 10–14 ноября 2008 г. / Отв. ред. В.Ю. Афиани; сост. И.Н. Ильина. М., 2009. С. 238–242.
6. ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 6. № 3534.
7. *Миллер Г.Ф.* История Императорской академии наук в Санкт-Петербурге / Пер. Б.А. Старостина // Г.Ф. Миллер. Избранные труды / ИИЕТ РАН; сост., статья, примечания С.С. Илизарова. М., 2006. С. 481–647 (Москва: Памятники научной мысли).
8. Уставы Российской академии наук. 1724–2009. М., 2009.
9. *Миллер Г.Ф.* Описание моих служб // Н.В. Голицын. Портфели Г.Ф. Миллера. М., 1899. С. 136–148.
10. *Ломоносов М.В.* Краткая история о поведении академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени // М.В. Ломоносов. Собрание сочинений. М.; Л., 1957. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. С. 267–316.
11. Летопись Российской академии наук. СПб., 2000. Т. 1: 1724–1802; 2002. Т. 2: 1803–1860; 2003. Т. 3: 1861–1900; 2007. Т. 4: 1901–1934.
12. Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. В 4-х т. СПб., 1897–1911. Т. 1: 1725–1743. 1897; Т. 2: 1744–1770. 1899; Т. 3: 1771–1785. 1900; Т. 4: 1786–1803. 1911.
13. *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977.
14. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 28.
15. *Модзалевский Л.Б.* Архив Конференции // Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917. Ч. 1. С. 589–619.
16. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 153.